

П. А. Машкин

ИЗ ИСТОРИИ АФРИКАНСКИХ ГОРОДОВ ВО II—III ВВ. Н. Э.

В административном отношении провинция Африка делилась на города (с примыкавшей к ним территорией), поместья, пользовавшиеся квазимунципальными правами, и племена, управлявшиеся романизованными принцепсами. Императоры II в., старавшиеся увеличивать число городов и интенсифицировать городскую жизнь, опирались на декурionatoв; данные о других группах городского населения незначительны, и многое приходится предполагать на основании косвенных соображений. В этой связи следует рассмотреть, правда, немногочисленный, материал о ремесле в городах Африки и о роли ремесленных коллегий, которая до сих пор недооценивалась. Надо особо подчеркнуть роль сельского хозяйства в жизни города, с которым была связана большая часть населения африканских городов. Города играли доминирующую роль в истории африканских провинций, но Африка была в то же время классической страной крупного землевладения. Поэтому жизнь поместья должна быть рассмотрена в тесной связи с жизнью города. Нет сомнения, что мобилизация земельных владений была сложным процессом, сопровождавшимся острой классовой борьбой, отзвуки которой мы находим в различных литературных произведениях. Во взаимоотношениях города и поместья следует искать ключ к пониманию того обстоятельства, что, несмотря на интенсивное развитие городской жизни, романизация не сделала таких успехов в Африке, как в Испании или Галлии. Недаром же в североафриканских районах римское господство не оставило почти никаких следов.

Все эти вопросы важны не только для истории африканских провинций, но и для понимания истории всей империи в целом. Кое-что было типично для одной Африки, другое — характерно и для всех римских провинций. Многие определялись ролью Африки как житницы империи, которую она начинает играть со II в. и которая все более возрастает с течением времени. Сельское хозяйство имело в Африке особенно большое значение, различные его типы были широко представлены. На севере преобладало зерновое хозяйство, типичное для небольших и средних имений, и здесь же сосредоточивается наибольшее число городов, жители которых были связаны с этими имениями. На юге простирались огромные плантации оливковых деревьев, находившиеся в руках крупных магнатов. Здесь поместье рано получило решительный перевес над горо-

дом. В событиях III в. довольно ясно намечается соответственное территориальное разделение отдельных партий, например, сторонников и противников Гордианов, пользовавшихся поддержкой магнатов.

Во II и начале III в. это различие было еще не так явно, так как сельские декурионы еще не начали приходить в упадок.

Несмотря на тесную связь африканского города с сельским хозяйством, на значительно меньшее развитие ремесла и торговли, чем, например, в Галлии, не говоря уже о восточных провинциях, город в это время еще играет значительную роль не только как административная единица, но и в экономике большего или меньшего прилегающего к нему района и даже всей провинции.

В буржуазной литературе высказывалось мнение, что даже в эпоху империи сельское население Африки продолжало вести натуральное хозяйство¹. Если принять это положение на веру, то тогда придется предположить, что африканские города были только административными центрами. Однако данные источников определенно говорят против такого положения, за то, что города были экономическими центрами прилегающей округи. Прежде всего город был местом рынка, который играл важную роль в местной жизни. Об этом свидетельствует ряд надписей и прежде всего надпись из *saltus Beguensis* (CIL, VIII, 270=11451), содержащая постановление сената о том, что сенатору Луцилию Африкану разрешается устраивать рыночные дни в его поместье, куда может сходитьесь окрестное население. Эта надпись, относящаяся к 138 г., приводилась в литературе главным образом как свидетельство того, что некоторые поместья обладали квазикоммунальными правами. Но нас интересует здесь другая сторона вопроса. В местности, еще мало колонизованной, учреждается рынок, куда собираются окрестные жители, другими словами, он обслуживает главным образом земледельческое население и в некоторой степени кочевые племена. Установление определенных дней опять-таки характерно для рынков, расположенных в сельских местностях. Разрешение устраивать рыночные дни в поместье было выгодно его владельцу не только потому, что освобождало его от рыночных пошлин, но и потому, что население, работавшее на его земле, не пропускало и другие дни ради посещения рынков. О рыночных днях упоминают и другие надписи, как поместные, так и городские². В некоторых из последних говорится о кураторах рынков³. Киприан сетует на епископов, которые ради рыночных дней пренебрегают своими обязанностями служителя церкви⁴. О том, что рынок есть место, куда собирается местное население, особенно ясно говорится у Оптата: один из донатистских епископов (гор. Вагаи, юг Нумидии) для того, чтобы оповестить своих сторонников, вербовавшихся из среды сельского населения, посылает послов по селам и предлагает им делать объявления по всем рынкам⁵.

Таким образом, город был центром обмена округи, он обслуживал сельское население, способствовал его романизации. К более конкретному описанию форм торговли мы вернемся ниже, теперь же обратим внимание на вторую характерную черту города как ремесленного центра.

Данные относительно распространения ремесла можно получить из обрывков надписей на разного рода *instrumenta domestica*, из разного рода «фабричных марок», как называют иногда неправильно эти надписи. Сохранились надписи на обломках кирпичей, водопроводных труб, амфор,

¹ A. Schulten, *Das Römische Afrika*, 1899, стр. 5.

² CIL, VIII, 6357, 8280, 20627 и др.

³ Например, *curator macelli* из Ламбека.

⁴ *De lapsis*, 6 (Hartel, CSEL, XIV).

⁵ Optat., *De schisma*, III, 4 (CSEL, XXVI).

лампы, ваз, домашней утвари, колец и т. п. Судя по ним, главными ремесленными центрами Африки были Карфаген и Цезарей. Отсюда изделия вывозились и внутрь африканских провинций и в другие провинции. Некоторые изделия африканских ремесленников найдены при раскопках римского форума, другие — в городах Испании, а некоторые даже в Галлии (CIL, VIII, стр. 2173). Самые ранние из них относятся к I в. до н. э. К сожалению, надписи на этих изделиях не упоминают мастеров, и решить вопрос о происхождении и социальном положении последних трудно. Из более поздних надписей можно заключить, что некоторые из продуктов ремесленного производства делались ремесленниками-одиночками¹, другие же — в специальных мастерских²; в этих мастерских применялся и рабский труд, так как нередко упоминается, что данный предмет *fecit servus* такой-то. Ремесло концентрировалось не только в городе: некоторые виды работ производились в поместьях. Надписи о том, что вещь изготовлена *ex praediis* какого-нибудь магната³ или императорского поместья⁴, особенно часты на обломках строительных материалов. Наряду с этим, однако, существовали и отдельные непоместные мастерские, особенно в Карфагене и вблизи него⁵.

В Африке не производилось дорогих предметов, отличающихся особо искусной работой. Африканские изделия находили столь широкое распространение именно благодаря их дешевизне: например, вазы более тонкой работы ввозились в Африку из Малой Азии, с Родоса, с берегов Понта (CIL, VIII, стр. 2189). Необходимо отметить, однако, что греческие вазы встречаются только в Карфагене. Большим распространением пользовались, повидимому, ввозные ткани. Тариф из Зараи (CIL, VIII, 4508) — одного из южных городов Нумидии — содержит особый раздел *lex vestis peregrinae*, содержащий указания на одежды и ткани, подлежащие обложению. Эти ткани, как показывает заголовок раздела, производились в других провинциях. Однако текстильное производство было распространено и в Африке. В частности, упомянутая в тарифе *abolla senatoria*, представлявшая собою окрашенную в пурпур тогу, производилась в Африке, откуда ввозилась и в Рим⁶. Наконец, заключительная часть *lex vestis peregrinae* говорит о *cetera vestis Agra*. Это указывает, что ко времени составления Зарайского тарифа, а он относится к 202 г., в Африке существовало производство тканей, рассчитанное главным образом на местный рынок.

Особенного развития ремесло достигает в Карфагене и Цезарее. В Карфагене встречаются изделия, относящиеся уже к 43 г. до н. э.⁷ В Цезарее ремесло, очевидно, начинает развиваться только во времена Юбы II. Но ни Карфаген, ни Цезарей нельзя расценивать как промышленные центры в современном значении этого слова. Те же надписи на *instrumenta domestica* показывают, что и во внутриматериковых городах существовали мастерские, изготовлявшие различные предметы. Развитие обмена способствовало тому, что не только ремесленные изделия, но и само ремесло проникало в отдаленные от моря города. По всей вероятности, в каждом из городов существовали ремесленники, работавшие на заказ и на местный рынок. Как ни скудны наши данные, все же они по-

¹ Например, CIL, VIII, 22637 (1—136).

² Например, CIL, VIII, 22632 (33—38); 22644 (61 и др.).

³ Например, CIL, VIII, 22632 (16, 17, 18 и др.).

⁴ CIL, VIII, 22632 (6, 7, 8).

⁵ CIL, VIII, стр. 2174—2280.

⁶ J. M a r q u a r d t. Privatleben der Römer, 1886, стр. 553.

⁷ CIL, VIII, 22640 (1).

звolyют нам говорить об этом, ибо в разных местах мы встречаем то серебряных дел мастера, то сапожника, то валяльщика сукон, то специалиста по стеклу. Шультен говорит, что ремесло в Африке было слабо развито, и подтверждает это указанием на то, что нигде нет упоминаний о ремесленных коллегиях. В III томе добавлений к VIII тому СІЛ мы находим, однако, данные, опровергающие этот взгляд. Как и следовало ожидать, все же есть одна надпись, указывающая на существование ремесленных коллегий в Цезарее (СІЛ, VIII, 20627). Надпись эта лаконична, но достаточно и одного упоминания о коллегиях, чтобы опровергнуть выдвинутый Шультенем тезис. Кроме того, есть указания на объединения ремесленников и в других городах. Данные Тертуллиана и Киприана говорят скорее за то, что подобные коллегии существовали и в Карфагене. Что же касается прочих городов, вполне возможно, что там не было коллегий, ибо отдельные продукты производились ремесленниками-одиночками или существовали небольшие мастерские со сравнительно скромной продукцией.

В какой мере происходила специализация ремесла, т. е. существовали ли пункты, где производились какие-либо продукты, развозившиеся по другим городам, определенных указаний нет, и возможны лишь некоторые априорные заключения. Во всяком случае потребность в обмене была, и город был не только средоточием местной торговли, но втянут был в общий оборот торговли. Этому способствовала налаженная система путей сообщения. Римляне расширили цепь дорог, оставшуюся от времен Карфагена. Эпиграфические данные позволяют нам говорить о том, что постройка новых дорог прекратилась только в эпоху Александра Севера. Дорога с некоторыми перерывами шла по средиземноморскому побережью от Portus Magnus до Hippo Dhiarrytus. Отсюда шла *via publica* к Неаполю (ныне Небель), затем через Leptis Magna соединяла Триполитанию с Киренаикой и Египтом. Карфаген, Гадрумет, Цезаря и другие важные порты были соединены с большими внутренними городами и стоянками войск. Большая часть дорог была построена на счет государства в стратегических целях, но вместе с тем не забывались и интересы торговли. Ответвления от магистралей прокладывались иногда на счет городов¹.

Дороги облегчали сношения между отдельными городами, они способствовали развитию торговли. Зараитанский тариф, выше уже цитированный, дает нам представление о том, какие товары фигурировали на рынке. От так называемого *lex portus* сохранилось четыре части: 1) *lex capitularis*, где перечислены товары, обладававшиеся пошлиной с «головы»; в числе товаров фигурируют: раб, лошадь, мул, осел, свинья, поросенок, овна, коза, козленок. О втором разделе — *lex vestis peregrinae* приходилось уже говорить. Третий раздел — *lex sociaria* — перечисляет различные сорта кож; 4, наконец, в последнем — *lex portus maxima* — упоминается вино, *garum* (особо приготавливаемый в Лептисе рыбный рассол), финики, масла, орехи, клей, смола, квасцы. Зарап был расположен на перекрестии торговых путей, идущих из Сахары и Триполитании. Продавцами и покупателями упомянутых товаров могли быть берберийские племена. В заголовке надписи говорится, что тариф введен после отхода когорты III легиона. Вполне вероятно предположение², что отвод когорты объясняется нежеланием отпугивать эти племена присутствием воинской части. Покупателями были и жители городов, в частности, города Ламбеса и лагеря Ламбеса, где квартировал III легион. Упомянутые товары, за исключением редких и дорогих тканей, — это именно такие продукты,

¹ T. R. Charlesworth, *The romanization of Africa proconsularis*, 1929, стр. 137.

² R. Cagnat, *Les impôts indirects*, стр. 73.

которые характерны для рынка в земледельческом крае. Сравнительно небольшая пошлина способствовала развитию обмена.

Мы остановились на этом тарифе для того, чтобы показать, какое значение имел рынок для сельского населения Африки, а вместе с тем еще раз подчеркнуть значение города как центра обмена данной округи и указать на то, что продукты обмена доходили до крайних пунктов территории Римской Африки.

Наряду с сельским рынком торговля в провинции осуществлялась также через странствующих купцов. Характерна надпись из Sigus, представляющая собою памятник человеку «*multis annis navigando et [peregrin]an[do]*» (CIL, VIII, 5749). Заметим, что надпись найдена в Sigus, недалеко от Цирты и, следовательно, на большом расстоянии от моря, что указывает на существование наряду с морской торговлей также и торговли внутри провинции. Наконец, Киприан¹ в приведенном выше месте имеет в виду также странствующего купца, не пропускающего рыночных дней. Надписей, упоминающих купцов, на редкость мало. Но трудно было бы объяснить это отсутствием обмена. Ведь также мало имеется надписей, где встречается термин *possessor*, но нельзя же допустить, что поэтов и грамматиков, риторов и адвокатов в африканских провинциях было больше, чем землевладельцев. Ясно, что это объясняется спецификой надписей. В городах было широко распространено ростовщичество. Киприан обвиняет епископов, что они пускают в рост общинные деньги (*De lapsis*). Церковные писатели IV в. инкриминировали агонистикам уничтожение долговых расписок и нападения на кредиторов (Optat, op. cit., XIII). В числе сумм, отдававшихся под проценты, были и муниципальные деньги. В *Sicca Veneria* одним гражданином было пожертвовано в алиментарный фонд 1 300 000 сестерций. Эти деньги, согласно завещанию, отдавались в рост по 5% (CIL, VIII, 1641). В другом случае одна из коллегий отдает ссуду по 12% (CIL, VIII, 1845). События IV в. показывают, что этот процент был довольно высок.

Несмотря на то, что африканский город, таким образом, был и торговым, и ремесленным центром, все же наиболее характерно для него наличие городских земель. Сохранились межевые столбы, указывающие на то, что земли того или иного города граничат с поместьем частного лица², с императорским салтусом или же с землями другого города.

Какая часть земель, удобных для обработки, принадлежала городам и какая входила в состав разного рода крупных поместий, сказать трудно. Возможно, конечно, что действительно до Нерона *sex domini semissem Africae possidebant* и что при Нероне эти земли стали императорскими поместьями, но все же, несомненно, города владели значительной территорией, хотя, конечно, мы не хотим оспаривать положения, что Африка была страной крупных поместий. Это положение не нуждается в доказательствах, оно не может быть также и оспариваемо, так как, кроме указаний авторов, мы встречаем много надписей, вышедших *ex praediis* различных лиц, надписей, гласящих, что владельцы этих *praedia* обладали большими средствами, так как возводили укрепления вокруг своих усадеб. Мозаичные изображения дают нам представление об этих укрепленных усадьбах, многим уступающих римским крепостям, о жизни владельцев (об охотах, больших обедах, о своего рода турнирах, скачках и т. д.). Характерна надпись, найденная близ Цирты: *amator reg[ionis] suburbani sui Azimaciani, quem a solo aedificavit, sibi suisque fecit* (CIL, VIII, 7741).

¹ «De lapsis», 6.

² Ср. CIL, VIII, 19431, 19132, 8811, 18768; R. Cagnat, *Inscriptions romaines d'Afrique*, 180 и др.

Владелец подгородного поместья устраивает виллу, судя по надписи, аналогичную часто упоминаемым Плинием Младшим подгородным виллам, «Sibi suisque» показывает, что это были не хозяйственные, не доходные постройки, а созданные по прихоти владельца, на недалеком расстоянии от центра Нумидии. Следует заметить, что крупные владельцы были связаны с городом, они не сторонились почестей, которые мог оказать им соседний город. Мы находим указания, что владелец поместья есть *flamen perpetuus* соседнего города (CIL, VIII, 20934). Из потомков богатого ветерана Флавия Секунда один был декурсионом города *Theleptae*¹, а другие потомки жрецами того же, очевидно, города.

Но не меньше указаний и на существование значительных земельных владений городов, так, например, *lex aquae* из Ламасбы², который относится, повидимому, ко временам Гелиогабала, дает в этом отношении очень ценные данные. В надписи указывается, в какое время года и в течение скольких часов должны орошаться поля владельцев. Надпись содержит имена владельцев, указывает размеры участков. К сожалению система измерения не может быть переведена на обычные меры ввиду неясности значения буквы «К» (очевидно, *carut*, как думал Моммзен), которая предшествует цифрам. В наши задачи не входит подробное исследование этого источника, который обычно обходится в исследованиях по аграрной истории Африки. Мы обратим внимание лишь на то, что только аграрной истории Африки. Мы обратим внимание лишь на то, что только сохранившаяся часть надписи перечисляет 74 владельца и что величина участков далеко не одинакова: есть такой, который орошается в течение 31 часа (соответствует К 2065), и есть такие, которые орошаются в течение 1½ часов (К 100, К 110 и т. д.). Чаще же всего встречаются участки, орошающиеся от 4 до 8 часов. *Lex aquae* дает нам, таким образом, право заключить, что площадь земли, примыкавшая к городу, распределялась неравномерно; даже для III в. типичным остается, повидимому, городское землевладение. Об этом свидетельствует переписка Киприана, в которой часто упоминаются владельцы небольших загородных имений. Многие из них, повидимому, были декурсионами.

О социальном и этническом составе этой основной массы городских землевладельцев можно судить только по косвенным данным. Без сомнения, большую прослойку среди них составляли выходцы из Италии, многие из них были потомками карфагенян. Об этом говорят имена городских жителей, на это указывают многие литературные источники, об этом же свидетельствует распространенность культов различных божеств, получивших латинское наименование, но сохранивших следы пунического происхождения. В Нумидии и Мавретании жили многочисленные берберийские племена, встречаются города, где жители берберийского происхождения составляли значительный процент. Так, надписи из *Tenelium* говорят о том, что лица берберийского происхождения являлись декурсионами города. К концу империи все эти элементы нивелируются, превращаясь в единую массу романизованных потомков римлян и карфагенян, ливийцев и греков, уроженцев западных и восточных провинций империи. Это подтверждается исследованием Канья о римской армии в Африке. Он основывает свои выводы на анализе данных надписей, из которых одна показывает, что из всех перечисленных солдат 14 родились в Африке, 16 были жителями Востока (Сирии, Вифинии и соседних провинций), один — Мёзии и один — Галлии, 12 других вышли из неизвестных городов; в надписи же времен Адриана из 69 перечисленных солдат —

¹ CIL, VIII, 212—216.

² CIL, VIII, 18587=4440 (стр. 446 и 1778). Там же комментарий. Несколько замечаний, очень, правда, поверхностных, см. у Шульцена («Das Römische Afrika», стр. 58).

33 вышли из африканских городов, остальные из Дакии, Мёзии и других придунайских провинций. Надпись, относящаяся к послеадриановскому периоду, упоминает лишь одного солдата из Напоки, остальные родились в Африке, причем многие из них родились вблизи лагерей¹.

Именно ветераны составили, повидимому, значительную часть населения городов и городских землевладельцев. Среди них были и такие, как Флавий Секунд (CIL, VIII, 212), владевший огромной территорией и похороненный в роскошном мавзолее, но большую часть это были средние землевладельцы. Lex aquae из Ламасбы², где ветераны составляли чуть ли не большую часть населения (CIL, VIII, 18587), показывает, что ветераны приобретали участки. В одном случае мы читаем: Julius Felix vet[eranus], q[ui] f[uit] Fourni, в другом — Junius Saturninus veteranus q[ui] f[uit] Nargu[dudis]. Больше всего, конечно, ветеранов было в пограничных, близких к лагерям городах. В Ламбесе они и их семьи составляют чуть ли не большую часть населения. Ветераны принимают активное участие в муниципальной жизни. Они пользуются различного рода привилегиями, они приносят с собой великие и малые сбережения, особые коллегии ветеранов оказывают поддержку и помощь своим членам. В Африке, где немало было создано поселений, состоящих чуть ли не целиком из ветеранов, они играли, несомненно, крупную роль.

Городские земли перекупались и продавались. Об этом говорит надпись из Ламасбы, указывающая, что ветераны недавно сделались владельцами земли. Есть указания и у Киприана, говорящего, что богатые стремятся расширить свои владения³. Но еще больше дает надпись из Мактариса, так называемая песнь жнеца (CIL, VIII, 11824). Надпись не датирована, Тутен, основываясь на формальной критике памятника, относит его к III в. Надпись представляет собою стихотворение, содержащее биографию одного из почетных декурионов города. Имя его не дошло, поэтому о его этникоме нельзя сказать ничего определенного, зато сохранились указания, каким образом он достиг почетного звания.

*Paupere progenitus lare sum parvo(ue) parente
Cuius nec census neque domus fuerat*

Такова родословная этого декуриона. Он начал свою карьеру с простого жнеца (или косца): demessor calami tunc ego primus eram. Так продолжалось в течение двенадцати лет, когда ему приходилось бродить по всей Нумидии, затем в течение одиннадцати лет он был надсмотрщиком над жнецами (ductor et ex opere postea factus eram) и, наконец, стал владельцем дома (очевидно, в городе) и имения (villa), которое в такой мере его обеспечивало, что nullis opibus indiget ipsa domus. Его состояние было весьма значительным, ибо он мог затратить немалые, вероятно, суммы на нужды города, в котором поселился. Он был, очевидно, duumvir quinquennalis (говорится, что он был цензором). Он гордится своей карьерой. В назидание потомству et genui et vidi iuvenes coros(que) nepotes с большим самодовольством он рассказывает, как из «мужичка» он стал цензором:

*et nostra vita fructus percepit honorum
inter conscriptos scribitus et ipse fui
ordinis in templo delectus ab ordine sedi
et de rusticulo censor et ipse fui*

¹ R. S a g n a t, L'armée romaine, стр. 358, 364, 366, 362.

² Кстати сказать, в этой надписи прямо говорится, что ветераны покупали участки городской земли.

³ «ad Donatum», 12.

Конечно, редкому жнецу выпадало такое счастье, но случай этот вряд ли был единственным. Интересно также отметить, что *senior* не скрыл своего низкого происхождения, так же как и то, что ему совсем не свойственен был «абсентеизм», о котором нередко говорят. Характерно, что он не вложил своих капиталов в торговлю или какое-нибудь предприятие, не открыл мастерской, а купил имение, чтобы сказать о себе, что он *dominus* в буквальном смысле этого слова (*et dominum fecere domus et villam paratam*). Именно доход от земли был наиболее распространенной формой дохода, и притом наиболее почетной формой.

Эта надпись говорит не только о том, что участки земли покупались и продавались. Она показывает, что в африканских городах сословие декурiones не было замкнутым, что оно какими-то путями пополнялось.

Говоря об этом среднем слое городского населения, следует упомянуть и о городской интеллигенции, группировавшейся вокруг этого слоя. Сюда относится персонал, выполнявший техническую работу в муниципальных учреждениях: *scribae*, *tabularii*, юристы, которые вели дела курии (*advocati rei publicae*), землемеры (*agrimensores*). Очень часто встречаются упоминания лиц с филологическим образованием: грамматиков, риторов, поэтов, философов. Им принадлежат часто встречающиеся стихотворные надписи, не слишком глубокие и оригинальные, но свидетельствующие о порядочной осведомленности их авторов в теории стихосложения и греко-римской мифологии.

К сожалению, сравнительно мало сведений о жизни низших слоев свободного городского населения. Рассмотренная выше надпись из Мактариса показывает, что в Африке кочевали по стране целые артели наемных рабов-ботников. Существовали свободные ремесленники и мелкие торговцы. Мелкие земледельцы, виноделы и садоводы составляли, вероятно, большинство населения внутриматериковых городов и владели на раз-личных правах земельными участками. Надпись из Тевесты (CIL, VIII, 1641) об учреждении алиментарного фонда со времени Марка Аврелия (1641) об учреждении алиментарного фонда со времени Марка Аврелия (1641) не показывает, что среди низов свободного городского населения было немало жителей, которым необходима была материальная помощь. Невозможно согласиться с мнением Шульцена, что алиментарные учреждения были чужды Африке и что надпись из Тевесты это только исключение. Непонятно в таком случае, почему же только для Тевесты было сделано исключение. В надписях, опубликованных Канья, *curator alimentarium* встречается также и в *Curubis* (№ 320). Как и всюду, выдачи из алиментарного фонда вряд ли многим улучшали положение нуждающихся. В Тевесте мальчикам выдавали по 2½ денария и девочкам по 2 денария ежемесячно. У нас нет данных относительно цен на продукты, но если сравнить эти суммы с суммами взносов магистратов, составлявшимися обычно из тысячи и более сестерций, то сумма эта во всяком случае незначительна. Некоторые указания можно найти и относительно клиентеллы. Мы имеем в виду случаи, когда встречаются посвящения патрону, причем нет никаких указаний, что это был патрон города. Больше указаний относительно клиентеллы, главным образом по Карфагену, находим мы у Киприана.

Также мало данных и о рабах.

В Заритаанском тарифе пошлина на раба упоминается на первом месте. Рабов мы находим и среди ремесленников. Как и всюду, экономическое положение рабов было неодинаково. Упомянутые в тарифе рабы шли, вероятно, в имения. Это были, очевидно, рабы неквалифицированные, поскольку пошлина за проданного раба взималась такая же, какая взималась с проданной лошади и мула. Другое дело рабы-ремесленники: раб, поставивший свое имя на сделанной им вазе, был, несомненно, квалифици-

рованными рабом. У каких-то рабов, наверное, ремесленников, нашлись даже средства на то, чтобы поставить *ex suo peculio* памятник своему господину (CIL, VIII, 20223). Еще меньше можно сказать о вольноотпущенниках. О том, что они были в городах, а в этом вряд ли можно сомневаться, мы узнаем из упоминаний на надгробных надписях. В *Surubis* еще во времена Юлия Цезаря вольноотпущенник был дуумвиром (CIL, VIII, 977). Известно далее, какую роль играли вольноотпущенники при дворе Юбы II. Были среди них и ремесленники, как, например, *argentarius* из Цирты (мы заключаем это из встречающегося в надписи выражения: *post obitum dominae Valeriae*).

Среди сакральных учреждений муниципия мы знаем два института, одновременно существовавших, но выражавших собою две идеи, две разные тенденции. Мы имеем в виду культ Рима и цезарей, с одной стороны, и богов и героев-покровителей данного муниципия — с другой. Среди этих покровителей мы находим и обитателей греко-римского Олимпа (Юпитер в Цирте, Венера в *Sicca Veneria* и т. д.), и романизированных пунических божеств (Ваала = Сатурна, Танит = *Iuno Caelestis*), и божеств берберийского населения. *Genio Auzio* посвящена надпись в городе, названном по имени этого гения. Официально культ Рима и цезарей признавался более важным, недаром и фламины занимали такое высокое положение, но тем не менее противоположную по существу тенденцию не приходится отрицать. Выражение этой иной тенденции мы находим в следующих формулах, постоянно встречающихся в посвящениях: о пожизненном фламинне говорится, что он был *amator civium* (CIL, VIII, 2400), *ob eximium amorem in patriam* сказано в посвящении патрону (CIL, VIII, 822); *ob insignes liberalitates in rem publicam* et in *cives amorem* говорится в посвящении С. *Helvio*, который удостоился чести быть два раза дуумвиром (CIL, VIII, 980); *ob... innocentiam splendoremque et in patriam suam incomparabilem amorem* (CIL, VIII, 5276) поставлена статуя Феликсу Целерину, фламинну и дуумвиру, который несколько раз устраивал гладиаторские игры. Таких примеров можно привести бесконечно много. Все это, конечно, формулы, по традиции писавшиеся в нужных случаях, но и за ними скрывается та же тенденция, какая выражена в культах богов-покровителей муниципия; ведь *cives* — это граждане данного города, а *patria, res publica* — это опять-таки родной город. Каждый город копировал столицу империи, и в смысле учреждений и в смысле внешнего устройства города поразительно похожи один на другой, каждый из них в отдельности был своего рода *Roma minor*, но тем не менее каждый город, хотя бы в ограниченном смысле, являлся автономной единицей, и обитатели его чувствовали себя прежде всего гражданами муниципия. Конечно, никогда не забывалось, что каждый муниципий есть часть империи, которая часто о себе напоминала, то собирая налоги, то контролируя местное самоуправление, то отпуская известные суммы на постройку дорог, водопроводов, городских укреплений и т. д.¹

Само собою понятно, что у муниципия было мало общего с автономным городом типа греческого полиса или свободного города западного средневековья. Он не мог сохранить не только политической автономии, но и автономии экономической, но тем не менее говорить о полной потере муниципием независимости у нас нет никаких оснований. Относительно формы управления мы уже говорили (ВДИ, 1951, № 1), гораздо труднее формулировать вопрос о том, существовала ли в

¹ Мы не касаемся того, в какие периоды вмешательство было заметнее, ибо в принципе оно существовало с самого начала империи.

известном смысле и хозяйственная автономия, и если о ней можно говорить, то в чьих интересах она проводилась и каково было внешнее ее выражение. Города обладали правом обложения налогами, они взимали деньги за пользование различными угодьями, за «коммунальные услуги» и пр.¹ Но не в этом нужно искать выражение автономии. Выше подчеркивалось, что города были втянуты в торговый оборот, и поэтому возвышению косвенных налогов был положен известный предел, ибо ни одному слою городского населения не было выгодно такое повышение налогов, которое сделалось бы препятствием для обмена с другими городами. Наконец, все поступающие налоги вряд ли могли покрыть расходы муниципия, если мы вспомним городские постройки, если вспомним амфитеатр из Тиздра, который, по словам археологов, немногим уступает римскому Колизею², если вспомним о разных театральные представлениях, которые давались в каждом городе. Значительная часть этих расходов ложилась на городское привилегированное сословие, на декуррионов. Кроме различных косвенных налогов, они привлекались и к общественным обязанностям. Выразительна следующая надпись: *Macellum... sumtibus tam quis quam ex sportulis decurionum operisque popularium... perfecit* (CIL, VIII, 9062).

Не следует забывать, что повинность декуррионов по отношению к городу последние обычно пытались переложить на более бедные слои населения. Юристы неоднократно говорят о злоупотреблениях в распределении повинностей, о самовольном повышении декуррионами налогов и цен на хлеб. В IV в. Аммиан Марцеллин пишет, что нередко снижение недоимок шло на пользу только более богатым, которые, повидимому, продолжали выколачивать недоимки в свою пользу. Однако часть своего состояния декуррион все-таки считал себя обязанным затратить на родной город.

На обязанности сословия декуррионов, в частности, лежала поддержка малоимущего населения (устройство зрелищ, обедов, денежные раздачи и т. д.). В Африке выработалось правило фиксировать ту сумму денег (*summa honoraria* или *ob honorem*), которую должен внести избираемый магистрат или жрец. Эти суммы неодинаковы. Они различны для каждого города, да в одном и том же городе они постоянно меняются. Приведем пример: в 202 г. триумvir в Цирте вносит 20 тыс. сестерций (CIL, VIII, 7000), а в 210 г. — 40 тыс. сестерций (CIL, VIII, 6996), причем в последнем случае есть указание, что это была *summa legitima*; подобных примеров можно привести немало. Высказывалось соображение, что *summa legitima* устанавливалась в зависимости от имущества ее вносившего, но вряд ли мог бы существовать такой своего рода подходящий прогрессивный налог. Постановлениями *ordo* фиксировался, вероятно, определенный минимум, причем, определяя его, исходили из практики, фиксировали сумму, которую было принято вносить по традиции. Было ли это во всех городах, сказать трудно, так же трудно установить и момент фиксации; во всяком случае выражения *summa legitima* встречаются в надписях II в. Фиксация отнюдь не означала, что взносы должны были ограничиваться данной суммой. Постоянно встречаются указания на превышение их (CIL, VIII, стр. 1118). Нет никаких оснований считать, что фиксация была направлена против абсентеизма. Размеры сумм, вносимых магистратами, декуррионами, флампами, различными муниципальными жрецами, патронами и кураторами, различны. Суммы колеблются от 500

¹ См. Libenam, Die Städteverwaltung im Römischen Reich, стр. 2 слл.; непосредственных указаний на это в надписях мы не находим.

² А. Schulten, Das Römische Afrika, стр. 34—35.

сестерций до 600 тысяч. Наиболее значительные суммы вносят фламины и патроны, а впоследствии — *curatores rei publicae*.

Куда шли эти суммы? Им находилось самое разнообразное применение. Упомянем различные постройки и сооружения: водопроводы, термы, театры, храмы, кладбища, рынки (*macella*), шоссейные дороги, встречаются даже *museum* и *apotheca*. Нечего и говорить о статуях и жертвенниках, обломки которых сохранились до сих пор. Затем идут театральные представления. Жители самых скромных городов имели вполне отчетливое представление о разного рода *ludi* и *spectacula*. Их виды перечисляют надписи, а христианские писатели, их осуждавшие, дали довольно точное их описание¹. Эти представления длились иногда по три дня, а один из декуррионов оставил даже завещание, *ut ludi et spectacula omnibus annis die X... edantur* (CIL, VIII, 967). Торжественные дни (вступление магистрата в должность, различные праздники, дни рождения влиятельных граждан) ознаменовывались различного рода пирами (*epula*) и раздачами (*sportula*). Встречаются случаи, когда обед дается всему народу (*epulum... universis civibus datum*). Иногда устраивается не один пир (*epula* — ... *populo data*)², иногда *epulum* дается только декуррионам, а для народа устраиваются зрелища (*epulum decurionibus, populo gymnasium*, CIL, VIII, 860). Нередко *populus* и совсем обходится — говорится просто: *epulum decurionibus* (или *ordini*) *dedit* (CIL, VIII, 861, 862 и пр.). *Epulum* сопровождается часто раздачами (*sportula*). *Sportulum* значит корзинка, отсюда произошло название таким раздачам, для которых приносились особые корзинки. В надписях под *sportulum* понимается раздача. Это могли быть и продукты (например, вино), но характерными для Африки являются денежные раздачи. Иногда *sportula* распределяются только между декуррионами по 5 денариев (CIL, VIII, 1889), по 1½ денария (CIL, VIII, 8938), или же между всеми гражданами (очевидно, полноправными). В последнем случае получаемая каждым на руки сумма — различна: пять денариев³, 1½ денария (CIL, VIII, 8938), 1 денарий, 9 ассов (там же, № 1548), 1 сестерций (№ 4202). Несколько странно звучит, что декуррионы — состоятельные люди — получали подачки хотя бы по 5 денариев, но есть указание, что в этих случаях деньги фактически шли на постройку какого-нибудь здания или же в городскую кассу.

Мы отметили, что *sportulum* состоит обычно из небольшой денежной суммы, а не из продуктов (вина, масла и пр.). Это, по нашему мнению, характерно для африканских городов, имевших земельные владения. И тем не менее забота о продовольствии города отнюдь не была чужда африканским муниципиям. Отстраивались рынки съестных припасов (*macella*), назначались *curatores macelli*, которые, вероятно, не только собирали пошлины, но следили и за качеством продуктов. Есть даже прямое указание на регулирование хлебных цен. В мавретанском городе Русикадах найдено посвящение *L. Tadio Rogato ob merita quod frumentum intulerit et annonam passus non sit increscere*⁴. Мы не можем определить, к какому времени относится надпись. Она свидетельствует о том, что для предотвращения поднятия цен на хлеб были пожертвованы запасы зерна.

Зрелища и обеды, термы и торжественные жертвоприношения были необходимостью для африканского города эпохи империи. В этом выражалась общественная жизнь, поскольку политические интересы отошли

¹ См., например, *Cipr., ad Donatum*. VII—VIII.

² CIL, VIII, 769, 1574 и пр. (подобных примеров очень много).

³ Например, CIL, VIII, 924, 1889.

⁴ CIL, VIII, 9250. Аналогичные надписи, в которых упоминаются лица, поддерживавшие город зерном при неурожаях, см. CIL, VIII, 1648, 9250, 15497, 25703—25704, 26124, и S. Gsell, *Inscriptions latines de l'Algérie*, 1929, № 2145.

на задний план, и даже в избрании магистратов *populus* уже не принимал участия. Из имеющихся источников видно, что в африканских городах местное управление находилось в руках высшего и среднего слоя городских жителей, *populus* в управлении никакой роли не играл, но тем не менее он продолжает упоминаться в надписях как сословие. Во многих городах Проконсульской Африки и Нумидии *populus* делился на курии (в мавретанских городах мы этого не находим)¹. Число курий было различно. В некоторых городах встречается традиционная декада. В *Simittus* сохранилась надпись, до некоторой степени знакомящая нас с деятельностью этих курий (CIL, VIII, 14683). Надпись представляет собой протокол собрания членов курии, состоявшегося в 185 г., в год, когда этому городу были даны права колонии². Это собрание выработало устав, регламентирующий сумму взносов должностных лиц и сумму штрафов, которые должны платить выборные магистраты и простые члены в том случае, если нарушается внутренний распорядок курии. Последний из дошедших параграфов устанавливает штрафы, которые должны платить члены, если они не будут присутствовать на похоронах умершего сочлена. Это последнее место очень неясно, и интерпретация его различна. В наши задачи не входит подробный анализ последних строк. Комментатор этой надписи в VIII томе CIL Шмидт доказал, что *curia Iovia* была городской курией, так как упомянутые в надписи должностные лица не могли быть должностными лицами в *collegium funeraticum*, как это думали ранее (CIL, VIII, стр. 1426—27). Какие же цели преследовала курия?

Обратим внимание на форму *summae honorariae*. Фламин должен внести 3 амфоры вина (от 78 до 79 литров), кроме хлеба, соли и прочих съестных припасов (*sibarata*), магистр — 2 амфоры (52—53 литра), квестор — 2 денария. Далее, штрафы, которые взимаются с выборных лиц и простых членов, иногда вносятся вином (*si magister quaestori imperavit et non fecerit, dare debet vini amphoram*), иногда деньгами вместе для устройства праздничных обедов, а то обстоятельство, что главную роль играл фламин, указывает, что эти собрания имели религиозный характер. Членами курии могли быть не только городские жители (*si quis de propinquis decesserit ad miliarium sextum...*), но и жители сел. Каждая курия, как показывает надпись, найденная в развалинах театра Ламбеса, имела свои места в театре (CIL, VIII, 3293). Ерула также иногда устраивалась по куриям (CIL, VIII, 924). По куриям же иногда распределялась и *sportula* (CIL, VIII, 5146). Таким образом, положение организованного в курии *populus* африканских городов напоминало отчасти положение плебса в императорском Риме.

Можно считать установленным, что Римская Африка была не только страной крупных поместий, но и такой провинцией, где средние землевладельцы были значительной социальной силой. Наряду с декурionsами, которые жертвовали по несколько тысяч сестерций, и теми, которые вынуждены были бродить по поместьям в поисках работы, были и такие, взносы которых были сравнительно невелики.

В силу тесной связи африканских горожан с земледельцем в Африке особое значение придавалось свойствам человека как хорошего земледельца или землевладельца. В своих надписях африканцы отмечают,

¹ См. Liebenant, ук. соч., стр. 14 (примечание), где приведены надписи из CIL, VIII, упоминающие курии.

² *patale civitatis* — читаем мы в источнике; это не могло быть основание города, ибо *oppidum Simittus* существовал уже во времена Плиния Старшего.

что они «жили и состарились в своем имении» (Аёр., 1906, № 11), что они долго в них прожили (CIL, VIII, 20084). Некий Профутур, надпись которого найдена в районе Милева в Нумидии, сообщает, что он жил в имении 35 лет со своим отцом Бутрой и после его смерти еще 22 года (CIL, VIII, 205). Забота о процветании своих владений считалась первым долгом владельца. Так, некто Флавий Фасцинилл сообщает в своей надписи, что он вместе с женой и сыном расширили амбар в своем имении, и прибавляет следующую сентенцию: «сохранить то, что досталось от родителей — счастье, приумножить это — добродетель» (Аёр., 1909, № 14). В одной эпитафии из г. Тубурсику в Нумидии о покойном Кв. Ветидии Ювенале говорится, что он прошел все муниципальные должности, был отцом трех римских всадников, был сведущ в праве и хороший земледелец — *agricola bonus* (Gsell, 1362). С этим связано и уважение к бережливости, трудолюбию, накопленному имуществу. В разобранной выше надписи жнеца говорится: *nullis opibus indiget ipsa domus*. Основная идея стихотворения — что состояние нажито трудом.

*Vitae pro meritis claros transegimus annos
quos nullo lingua crimine laedit atrox.*

На памятнике из Kassar Bellezma мы также читаем:

*Aeterna domus h(a)ec est
pausam laboris hic est (CIL, VIII, 18608).*

Традиционные D. M. S. гарантируют, что это не христианская надпись. По духу к этим надписям близки и эпитафии из Мадавры (Gsell, 2195) и Мактариса (Аёр. 1946, № 62). Та же мысль, какая звучит в стихотворении жнеца, проскальзывает и в следующем обращении к жене: *omnia quae sunt nobis tuo sunt quaesita labore* (CIL, VIII, 19189).

Такого рода эпитафии характерны именно для Африки. В других местах, например, в Италии, довольно рано появляются совершенно противоположные настроения — презрение к богатству, восхваление честной бедности, заимствованные из круга кирических идей. В Африке же, пока земледелие процветало, основной мотив, как мы видим, был другой. Вероятно, не случайно также распространение в Африке культа земледельческих божеств — Плутона, Цереры, Земли (Tellus). Только к середине III в., когда класс муниципальных землевладельцев начинает разоряться, в его среде возникают пессимистические настроения, порицание богатства, стремление к уходу от мира, что отразилось в сочинениях Киприана и сказалось в распространении христианства.

Резко противоположной была идеология рабов и свободной бедноты. Надписи не дают нам представления о ней: если бедняк или раб возвышался до благосостояния, позволявшего ему поставить себе дорогой надгробный памятник, он, как мы видели, восхвалял свои удачи и забывал о своих прежних, менее счастливых товарищах. Но отзвуки настроения низших классов дошли до нас как в сочинениях Киприана против церковной оппозиции, состоявшей из более простых и бедных христиан, так и в *carmen apologeticum* христианского поэта Коммодиана, жившего в Африке и писавшего около 250 г. С поразительной силой он описывает пришествие нового времени, когда будет побежден тираннический Рим и нынешние властители станут служить теперешним рабам и праведникам. Это произведение показывает, что настроения, породившие на Востоке антиримские сивиллины оракулы, жили и в среде низших классов Африки. Вражда к Риму и к богатым сказалась и в возникших при Киприане «еретических»

сектах, сурово осуждавших богатых отступников, изменивших христианству во время гонений и не желавших признавать главенство римского епископа. Все это показывает, насколько непрочной была «романизация» Африки и насколько лишь видимым было всеобщее процветание, мир и преданность правительству. Только ученые, следующие за Фюстель де Куланжем в стремлении изобразить период империи как царство всеобщего благоденствия, могут без критики, на веру, принимать соответствующие данные парадных надписей. На деле процветание городов и щедрость декурционов шли за счет жестокой эксплуатации рабов и свободной бедноты, которая лишь в незначительной мере смягчалась подачками высших классов. В среде эксплуатируемых никогда не исчезала ненависть к Риму, и по мере того, как местная знать все более романизировалась, т. е. входила в состав римского правящего класса, доля его интересы и проводя его политику, эта ненависть переносилась и на нее.

